Е. А. Болховитинов

История княжества Псковского

Евфимий Болховитинов

История княжества Псковского

Издательство «Кучково поле»

1831

УДК 94
ББК 63.3(2)43

Болховитинов Е. А.

История княжества Псковского / Е. А. Болховитинов — Издательство «Кучково поле», 1831

ISBN 978-5-9950-0326-7

«История княжества Псковского» митрополита Киевского и Галицкого Евгения (в миру Евфимия Алексеевича Болховитинова, 1767–1837), члена Российской академии наук, церковного историка, – первая полная история Пскова. Она написана на основе изучения архивов и топонимики Пскова, в том числе раскопок, а также русских, лифляндских, курляндских, эстляндских и полученных с помощью графа Н. П. Румянцева немецких летописей (указанных в начале части четвертой).Первая часть труда – общая история княжества; вторая – сведения о псковских князьях, наместниках, губернаторах; третья – история псковской иерархии; в четвертой помещена сокращенная псковская летопись.

УДК 94
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-9950-0326-7

© Болховитинов Е. А., 1831
© Издательство «Кучково поле», 1831

Содержание

От сочинителя читателям 6
Часть первая 7
I. О начальном поселении славян в Изборском княжестве 7
II. О правлении изборских славян 9
III. О начале города Пскова, устроении и населении его 11
IV. О земском разделении и устроении Псковского княжества 16
V. Об образе правления Псковского княжества 18
VI. Об уставах, законах, обыкновениях и нравах псковских 22
VII. О гербе и печатях псковских 24
VIII. О воинской силе псковской 25
Ix. о торговле псковской 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Евфимий Алексеевич Болховитинов
История княжества Псковского

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

От сочинителя читателям

Живши около шести лет в древнем княжеском городе Пскове, я старался узнать историю оного и для того собирал, сколько мог, из русских и иностранных летописей сведения о нем. Из сих-то сведений составил я предлагаемую книгу в четырех частях. В первой поместил я *общую историю о Псковском княжестве и частную – о городе Пскове.* Во второй – *о псковских князьях, наместниках великокняжеских, посадниках, тысяцких и новейших губернских начальниках.* В третьей – *историю псковской церковной иерархии.* В четвертой – *сокращенную Псковскую летопись* о всех подробных происшествиях, о коих сведения дошли до нас и кои не могли войти в предыдущие части сей моей истории, дабы не распространить оной. Если сей труд мой принесет удовольствие соотечественникам, и особенно псковичам, то я довольно буду награжден за оный.

Е. А. Болховитинов

Часть первая

I. О начальном поселении славян в Изборском княжестве

Славяне, в V столетии по Рождеству Христову появившиеся на юге Европы, потом некоторыми племенами своими обратившиеся от Задунайских стран к полунощным, заняли оные до берегов Балтийского моря. Одно из сих племен, известное в летописях под именем кривичей[1], простерлось далее к востоку и разделилось на три части. Первая осталась близ Двины, на реке Полоте, от коей и называлась полочанами. Вторая уклонилась к юго-востоку по Днепру и основала город Смоленск. Третья обратилась к северу, к ныне называемому Псковскому озеру, и построила город Изборск. Может быть, к сему же племени отнести должно и четвертую часть, которая прошла далее к северо-востоку и, поселившись около Ильмень-озера, удержала на себе коренное древнее звание славян. По крайней мере, так можно думать потому, что литовцы долго всю Россию называли землею кривичей, а на латышском языке кревами и ныне называют русских.

Судя по пространству мест, занятых сим кривичским племенем от Полоцка до Смоленска и до озер Чудского и Ильменя, должно заключить, что оно было многочисленное, а по завоеваниям, вскоре затем последовавшим, и сильнейшее из других единоплеменников своих. При первоначальном их поселении на всем пространстве множество найденных ими озер, изобилующих рыбой и водяными птицами, а лесов – зверями и дичью, долженствовало служить им безнуждным и легчайшим пропитанием; а избытками они могли меняться с соседями, но силой покорили они и их самих в непродолжительном времени. Полочане около 200 лет имели данниками у себя всю Литву и чудь лифляндскую и курляндскую, а город их под именем Пелтискум славен был торговлей и у северных народов. Смоляне от Великих Лук и Торопца владели обширными странами на восток и юг, может быть, даже до меря ростовских. Олег, в 882 году шедши на Киев, застал Смоленск независимым и богатым уже городом. Ильменские славяне по всей северной полосе простерли свои завоевания до Белого моря и до сибирского пояса гор. Одни изборские кривичи были слабее соплеменников своих и место себе заняли такое, с которого долго не могли распространить владений своих. Издревле населявшая обширные озера – Чудское и Псковское, называвшиеся Пейпус и Пелба, – лифляндская и эстляндская чудь, кажется, с самого начала не позволила им и приблизиться к оному[2]. Посему-то и избрали они в 15 верстах от озера Псковского высокую гору для построения на ней города своего Изборска, так названного ими либо от «избрание», либо от скандинавского слова «Исаборг», как думал Миллер, означавшего город на реке Исе, далекой, однако же, от нынешнего Изборска в Опоческом уезде; или от сбора туда народа (ибо в некоторых летописях назван он Сборцы и Сбореск), или по наименованию какого-нибудь прежнего своего города в память Отечества, как и часто делали сие поселенцы славянские. Ибо города под названием Изборск были и в Литве, и в Волыни, через которые проходили славяне на север. Как бы то ни было, но возвышение места, с коего видно во все стороны на дальнее расстояние, чистые и обильно истекающие из

---

[1] О названии кривичей ходят разные толки. В. Н. Татищев производил оное либо от сарматского слова *«криви»,* означавшего «верховье», или от латышского – в Восточной Пруссии, по сказанию Дуйсбурга, в городе Ромове бывшего первосвященника Криве, коего учения они якобы держались. Другие думают, что их столица была между Вильно, Гродно и Минском и называлась Криве; а у С. Герберштейна упомянут Крева, городок с опустевшим замком. Третьи производят их от древнейших кровичей, упоминаемых еще у Геродота (кн. IV, 49), живших сперва во Фракии. Граф Иван Потоцкий находит их и в летописи Иорнанда под именем хринов, а у Константина Багрянородного они называются кривитени, и земля их полагается между реками Припятью и Неманом.

[2] Чудское и Псковское озера составляют одно. *(Ред.)*

Изборской горы ключи, доныне именующиеся Славенскими, и проток от них реки, тогда еще, может быть, не заросшей и способной к плаванию до озера, могли их убедить избрать себе первое поселение, пока на сем месте и оттуда расширятся селами и волостями по окрестностям. Владения их к западу сначала не могли простираться далее нынешнего города Печоры, за коим и доныне граничат еще лифляндские и эстляндские чуди; к югу – не далее нынешнего города Острова или, по крайней мере, Опочки, за коими прочие земли ближе были к полотским и смоленским кривичам; к востоку – до нынешнего Новоржева и части Порховского уезда, а к северу – не далее города Гдова. Но из сих городов Опочка и Гдов построены уже в XV столетии, а Новоржевский уезд почти до самых Святых гор долго принадлежал Новгороду. По сему-то стеснению области своей изборяне и псковичи держались наипаче союза с новгородцами и долго были почти под их покровительством и защитой, а весьма часто и под правлением. Новгородцам же, со своей стороны, нужны они были, во-первых, для торгов с пограничными им чудями, во-вторых, для заслонения себя от их набегов.

II. О правлении изборских славян

Какое издревле было правление изборских кривичей, о том нет достоверных известий в летописях. Отрывок так называемой Иоакимовой Новгородской летописи, Татищевым в первой части своей «Истории» помещенный, повествует о князьях изборских, задолго якобы до пришествия Трувора здесь княживших. Он производит их от какого-то северного князя Вандала, который якобы сынам своим – Избору и Владимиру – построил города под их именами, назвав Изборск и Владимир. А «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», изданная в 1798 году в С.-Петербурге, говорит, что якобы «Славенск, сын Гостомыслов, отшед от отца своего в Чудь, и там постави град на месте, нарицаемом Сходница, и нарече граду имя Славенск, и княжи в нем три лета и умре; сын же его Изборск примени тому граду Славенску имя, и нарече во имя свое Изборск, а сей князь Изборск змием уяден умре». Но все сии сказания, как поздние и в древних летописях не обретающиеся, сомнительны. Гораздо вероятнее можно полагать, что изборские кривичи первоначально управлялись своими избранными старшинами и общим советом – наподобие республики, как обыкновенно было вообще у славянских племен, по описанию византийских историков, и у северных народов, по описанию Тацита и других. По крайней мере, согласно с сим свидетельствует и Псковская, хотя не древняя, летопись. «От начала Русские земли, – говорит она, – град Псков ни коим же князем владом бе, но на своей воле живяху в нем сущии людие». Вместо законов письменных, конечно, управлялись они, как говорит Нестор о всех славянах, «обычаями своими и законом отец своих и преданиями». В нравах он полагает кривичей сходными с радимичами, вятичами и северянами. А сии народы, по его же описанию, жили в «лесах, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословие в них пред отцы и снохами, и браци не бывают в них, но игрища меж сел. Схождахусь на игрища, на плясания и на все бесовские песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещащеся; имеяху же и по две и по три жены. И аще кто умираше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и возложати на кладу мертвеца и сожигаху, и по сем собравше кости, влагаху в сосуд мал, и поставляху на столпе на путех».

Около середины IX века один из-за Балтийского моря сильный варяжский или нормандский народ начал нападать на приморские чудские племена, потом – на кривичей и на ильменских славян, за ними поселившихся, наконец на весей и меря, от Белого озера до Ростова обитавших, и в 859 году обложил всех их данью. Несколько лет исполняли они уничижительную сию повинность, и наконец соединясь между собой союзом, отреклись от подданства варягам, но не умевши сами у себя уставить общего правосудного правления, восстали племя на племя и произвели междоусобие. Наконец, для прекращения оного все согласились в 862 году призвать к себе на княжение из варягов же русских князей. По сему приглашению пришли к ним Рюрик, Синеус и Трувор – три брата князя с племенем своим. Из них первый принял княжение у славян на Ильмени, второй – у весей на Белоозере, а третий – у кривичей в Изборске. Псковская же летопись по Эрмитажному списку полагает Трувора, седшим вместо Изборска в Славенске, может быть, разумея под сим так названные Славянские ключи при Изборской горе. Впрочем, как бы то ни было, Трувор был князем изборских только кривичей, и власть его, кажется, не простиралась на полотских и смоленских, которые по отдалению своему от моря не могли утесняемы быть и варягами, а потому и в союз с утесненными об избрании русских князей вступать не имели нужды. Притом, по сказанию Нестора,

Рюрик, по смерти Трувора и Синеуса соединивший все три северных княжества под единодержавие свое, уже в 864 году заставил и полотских кривичей принять от него удельного князя; а Смоленск покорил уже Олег в 882 году. Что касается чудей, бывших в согласии с ильменскими славянами и кривичами изборскими на избрание русских князей, то под именем сих чудей, может быть, разуметь должно только племя эстляндцев, от берегов Финского залива

простиравшихся по реке Нарве к западным берегам озер Чудского и Псковского до Изборской и от Ингрии до пределов Новгородской областей. Из сих чудей западные могли быть присоединены к Труворову княжеству, а посему-то, кажется, с тех пор удерживаемы были в подданстве и преемниками его. Владимир Великий брал уже дань и со всей лифляндской чуди. После него они отпали было, но в 1030 году великий князь Ярослав Владимирович опять покорил их и построил на судоходной реке Амовже, или Ембахе, впадающей в Чудское озеро, город Юрьев, ныне называемый Дерпт, куда уставил он привозить и все дани лифляндские и эстляндские.

III. О начале города Пскова, устроении и населении его

Под 903 годом Нестор по случаю брака великого князя Игоря упоминает уже о городе Пскове, говоря: «Приведоша ему (Игорю) жену от Пскова именем Ольгу». Но сие сказал он для означения места родины оной, кажется, по современной уже ему знаменитости Пскова. Ибо Ольга приведена была из Выбутской веси, отстоящей в 12 верстах вверх по реке Великой от города, а не из Пскова, основанного уже ею после крещения ее и возвращения из Царьграда. Степенная книга подробно повествует, каким случаем Игорь в переезд свой через реку Великую под селом Выбутским заметил и узнал сию свою невесту, дававшую на предложения его благоразумные ответы[3].

Название города Пскова, построенного при устье реки Псковы, впадающей в реку Великую, а вытекающей из озера Псковицы, в Нестеровой летописи по Кенигсбергскому списку и в некоторых других пишется Псков, а по Лаврентьевскому списку и по Новгородскому называется Плесков. В Псковской летописи в древнейших годах именуется также Плесков, но в последующих – только Псков. От сего различия наименований родились разные толки о происхождении оного. Татищев производит Плесков якобы от плеса или плескания воды. Но имя сие при Пскове ничего замечательного не означает. Другие думают, что Ольга в путешествии своем в Константинополь, заметив почему-нибудь болгарский город Плискову, за Дунаем бывший и с прочими болгарскими городами состоявший после во владении сына ее Святослава, нарекла сим именем и свой город[4]. Но жизнеописатель Ольгин производит название Пскова от реки Псковы, которая, кажется, так названа от песчаного озера и песков, из коих она вытекает и которые окружают со всех сторон город Псков.

Близость сего места к озеру Псковскому, соединяющемуся с Чудским, и удобность водяного сообщения по впадающей в оное реке Великой со всеми южными псковскими землями были, без сомнения, важным убеждением для мудрой Ольги к построению Пскова на оном. Псковичи, получая водным путем по реке сей произведения своих пригородов и волостей, могли прямо сплавлять все товары через озеро в одну сторону – к чудским берегам и по реке Амовже, ныне называемой Ембахой, – до Дерпта, к Эстляндии и Лифляндии, а в другую – до Финского залива по реке Нарве, к северным народам. Даже и новгородцы, производившие знатные торги с лифляндцами и эстляндцами на всех бывших у них в разных местах ярмарках, на кои съезжались и северные народы, свозили также для сплавки во Псков свои товары и содержали здесь свои подворья и магазины. Ибо пока еще они не имели в полном своем владении берегов Финского залива и пока не завели своего судоходства по оному, и прямо не познакомились с торговыми северными городами, то русская северная торговля большей частью проходила лифляндским и эстляндским путем через всю Европу.

---

[3] Село Выбутское, или у народа именуемое Лыбутское, существует и ныне, а ниже оного в полутора верстах на реке Великой – два рукава, обтекающие лежащий посередине остров: один рукав, мельче, текущий вброд по каменному дну, называется доныне Ольгиными слудами (слуда значит подводный камень), другой же рукав, поглубже, – Ольгиными воротами. Ниже сего урочища – на правом берегу устья реки Кеби, впадающей в реку Череху, – есть другое урочище, известное под именем Буденик, или Будник. Издревле предание гласит, что там была также отчизна Ольгина и родина великого князя Владимира Святославича, внука Ольгина, в летописях именуемая Будятино село. До недавних времен там была еще деревня, принадлежавшая фамилии графа Разумовского, после переведенная на другое место, за Великую реку. Но для запашки полей доныне оставлен на том месте, именуемом так же Буденик, приказчичий и скотный двор. С 1809 года сие имение было куплено Г. Р. Державиным.

[4] Плискова, Переяславль, или Переславец (бывший после столицей великого князя Святослава) и другие города на правом берегу Дуная в Болгарии по сказанию Кодина и неизвестного греческого описателя константинопольских древностей, изданных Бандурием, построены императором Константином Великим. Лев Диакон, историк X века, описывает завоевание сих городов императором Цхимисхием во время войны со Святославом. Греческие историки XI и XII веков упоминают также о задунайских Плискове, Переяславле и других болгарских городах, и тогда еще существовавших.

По основании Пскова Изборск перестал уже быть столицей своей области. Однако же из уважения к древности его и для пограничной от лифляндских чудей в нем крепости даже до XV столетия имел он иногда своих князей или княжьих наместников, избираемых псковским вече и бывших там на страже от нашествия соседей. Кроме этого сей город не имел уже никакой другой знаменитости. Он даже неоднократно неприятелем был сжигаем и разоряем, а самими изборянами переносим на разные ближние места и часто перестраиваем, как ниже означено в сокращенной Псковской летописи[5]. Нынешние каменные стены его построены уже в XIV столетии.

Город Псков сначала был деревянный по изобилию окружавших его в древности лесов, как о них упомянуто и в житии блаженной Ольги, а потом уже постепенно перестраивался плитным камнем, которого здесь, по Великой реке и по полям, – чрезвычайное множество. Первым местом поселения псковичей, кажется, была гора при устье реки Псковы, впадающей в реку Великую, пригодную для крепости, которая сначала была тоже деревянная. Уже князь Домант во второй половине XIII столетия начал строить нижнюю часть ее из плитного камня, которая с тех пор и называлась просто Домантовой стеной, или крепостью, а верхнюю – на самой горе, окружающей Троицкий кафедральный собор; для отличия от оной в последующие времена именовалась Детинцем, как и Софийская в Новгороде[6].

Но сия верхняя крепость 100 лет после Доманта оставалась все еще деревянной, и начата каменная уже в 1393 году, после чего в Псковской летописи, особенно северная ее часть к устью Псковы, именовалась Кромом и Кремом, может быть по примеру Московского Кремля или по укромности от нижней крепости. В сем Кроме были и кладовые с погребами, в коих граждане укрывали от неприятелей лучшее свое имение и общественные запасы. По преданию, полагают, что в нижней Домантовой стене был и двор сего князя, но где – неизвестно. Преемники его перенесли оный на площадь к Великорецкому мосту, а сия стена, или двор Домантов, вся занята была церквами и церковными зданиями, между коими остались доныне только Димитриевская церковь, древняя Тиунская, или Судейская, палата и первоначальный архиерейский дом, построенный Новгородским архиепископом Макарием в 1535 году для приездов своих, где ныне консистория, в прошлом столетии новым фасадом переправленная. Каждая линия стены верхней крепости в Псковской летописи именована пряслом, а возвышенные зубцы, или гребень на стене против алтаря соборного, – персями, на коих сперва висели и колокола соборные. Обе крепости простираются в длину по берегу реки Великой около 200, а в ширину около 60 сажен. Ибо теснота горы, или мыса, между двумя реками не позволяла расширять их. Все прочее за стенами сими называлось еще в 1263 году посадом и застеньем, а в XIV столетии упоминаются уже населенными и Запсковье, и Завеличье. От нижней стены Домантовой проведена вверх по правому берегу Великой реки вторая стена плитная на 325 сажен, которая, с берега под прямым углом поворотив на гору, окружала так называемый Средний город на 500 сажен – обратно к реке Пскове за Петропавловским собором, против церкви мученика Евстратия. Она выстроена в начале XIV столетия на месте деревянной, которая была теснее сей новой, как можно заключить из названия бывшей Преображенской церкви, именовавшейся у Старого Костра, на углу первого от площади левого переулка к Труперховским воротам. В 1433 году была и сия каменная стена разобрана и потом сделана новая. Третья стена, вероятно, вместе со второй в начале XIV столетия основана была по левому берегу Псковы-реки деревянная на 300 сажен, а с начала XV века была уже каменная и смыкала конец второй стены с Домантовой крепостью. Четвертая по правому берегу Великой реки, вверх от угла средней стены до Покровской церкви и от оной кругом всего посада, после называвшегося Большим

[5] Особенная Изборская летопись подробно напечатана в «Отечественных записках» 1825 года и в V т. «Чтений в Московском обществе истории и древностей российских».

[6] На польском языке доныне dz^dzinec значит двор перед палатами или замком, площадка дворовая.

городом, к Пскове-реке до Гремячей горы на 1400 сажен, построена была около середины XIV столетия деревянная, дубовая, а с 1373 года начата от Псковы каменная, но закончена к Великой реке опять деревом. В 1465 и 1501 годах она вновь построена была деревянная, а в 1535 году сомкнут конец ее по Пскове-реке с углом средней стены на 250 сажен. В 1465 году также вновь построена пятая деревянная стена около всего Запсковья, начиная от Гремячей горы, и около Варлаамиевской церкви, по берегу Великой реки до угла Детинца над устьем Псковы, – всего на 850 саженях. Обе сии последние стены с 1482 по 1508 год построены каменные. Конец Запсковской стены сомкнут был с углом Детинца через все устье Псковы-реки сперва в 1537 году деревянной, а в 1631 году каменной стеной со многими на воде воротами, которые заграждались решетками для невпуска судов. Сия перегородка называлась Греблей, и по ней был ходячий мост для входа в Детинец сквозь малые ворота, проделанные еще в 1462 году, которые, как и мост сей, назывались Смердьими, потому что они прилежали к слободе, смердами населенной, по правому берегу Великой реки на Запсковье. Такая же каменная перегородка через Пскову-реку в 1562 году построена была и против Гремячей горы. Сия часть города, по сказанию польского историка Р. Гейденштейна, с внутренней части была окопана валом по взятии уже в 1563 году Полоцка царем Иваном Васильевичем и укреплена бойницами с привалами из дерна. Он же укрепил и другие части стен постройкой многих высоких башен деревянных для стрельбы с них через стены вдаль пушками. Завеличье не ограждено было ничем и при нашествии неприятеля, яко передовое предместье, часто самими псковичами, а если они не успевали, то неприятелем было выжигаемо. Крайняя большая около города стена в 1632 году окопана была еще рвом и валом, а при государе Петре Великом во время войны со шведами в 1701 году защищена бастионами и больверками. Из всех сих стен уцелели только верхняя – около Детинца, нижняя – Домантова и крайняя – около Большого города и Запсковья, а прочие внутренние все уже сломаны и срыты.

Вся окружность верхней крепости, или Детинца, с Домантовой нижней стеной простиралась на 500 сажен; второй стены, обнимавшей Средний город, – на 1325; третьей стены, обходившей Большой город, – на 1950, а Запсковье – на 850 сажен. Всего же вообще вокруг города по крайним стенам окружность – с лишком на 2800 сажен; следовательно, площадь всего города горизонтально содержала около 490 000[7] квадратных сажен, не считая предместий за крайними стенами и Завеличья за рекой Великой. По всем стенам множество было глухих и с воротами круглых и четырехугольных башен высоких, которые в летописях иногда называются бойницами и кострами. Их при нашествии Батория осаждавшие поляки, по сказанию их писателей, сочли до 70. По верху стен вокруг города и сквозь башни везде были переходы, а под многими местами в стенах – длинные погреба и тайники, или тайные против неприятеля из города выходы, засыпанные землей для скрытия. Построение и частые починки сих стен и башен означены во всеобщей летописи в конце сей книги. Но многих башен и проездов древние названия уже забыты, а из упоминаемых в летописях места многих неизвестны. Ибо до нас не дошло ни одной древней описи Пскова. Самая старейшая осталась только по указу государя Петра I в 1701 году, сделанная как Пскову, так и другим уездным городам псковским. В ней, однако ж, сохранены многие древние названия урочищ, стен, ворот, башен и зданий.

Союз Пскова с Новгородом и долговременная зависимость от него, сверх единоплеменства, были причиной сходства обоих сих городов не только в образе правления, законах и обыкновениях, но и в разделении на пять частей, или концов, города. Первоначальные концы Пскова назывались: 1) Торговский, посередине города – от Домантовой стены по площади; 2) Боловинский, к нынешней Новгородской дороге или к Петровским воротам; сей конец после назывался и Петровским; 3) Опоческий, к старой Опоческой дороге или к Златоустовским воротам; 4) Городецкий, к Мишаринской горе и 5) Остролавицкий, к Великим воротам или к

[7] То есть примерно 1058 м (древняя сажень равна 2 м 16 см). *(Ред.)*

Покровской церкви «в углу», после называвшийся Полонским и Полоницким. С заселением Запсковья и присоединением оного стеной к городу названо и оно шестым концом *Запсковским,* а потом и само разделено на три конца Запсковских: 1) Смердий, от крепости вниз по правому берегу реки Великой; 2) Богоявленский, к Богоявленской церкви; 3) Космодемьянский, к Космодемьянской церкви. Но Завеличье всегда называлось своим именем, а не концом, и не считалось в городе.

Из древнейших псковских зданий ничего не уцелело, кроме каменных городовых стен и церквей, кладенных из известковой плиты; и те, многократными пожарами по тесноте зданий весьма часто бывши повреждаемы, в последовавшие времена были починены и перестроены, как означено во всеобщей летописи, присовокупленной к сей книге. Самая кладка сих плитных стен во Пскове была непрочна, как видно по развалинам, особенно городовых стен, потому что большей частью делалась без всяких связей или, по крайней мере, только с деревянными, выравниваема была только снаружи, а внутри наполняема насыпным булыжником и щебнем с известковой заливкой. Обваливавшиеся стены прикладываемы были только новым слоем снаружи к старому и потому вскоре отпадали, увлекая за собой и старую кладку. Кирпичная кладка вовсе не была здесь в употреблении, хотя псковские каменщики еще в XV столетии сим искусством известны были и в Москве, а по завоевании Казани в 1555 году строили и казанскую каменную крепость. Одна только церковь Святого Димитрия, построенная во Пскове из плиты вместе с кирпичом и существовавшая 380 лет в Домантовой стене, как редкость для памяти замечена в Псковской летописи, но и та в 1523 году перестроена из сплошной плиты. Другая церковь, сложенная также из плиты наполовину с кирпичом около 1240 года, осталась доныне в Иоанно-Предтеченском монастыре. Видимые в ней кирпичи не похожи на псковскую глину, но на голландскую белую, и, кажется, сделаны не во Пскове. Ибо и вид их четырехугольный не похож на другие древние, открываемые из развалин. Вообще же все древние церкви здесь построены в готическом вкусе без размера, без железных связей и только с деревянными внутри закладными бревнами, и в весьма редких, и то позднейших уже, есть железные. Теснота их внутри доказывает малые приходы, а множество служит памятником набожности прежних псковичей. Из гражданских древнейших зданий каменного ничего не осталось, и приметно, что для домов здесь больше было в употреблении деревянное, нежели каменное строение, по сырости плитного камня и по неискусству древней кладки мало способное для жилья. Даже и построенные из камня лет за сто дома не имеют никакого порядочного вида. Притом замечательно, что во всех частях города не только под стенами и церквами, но и под гражданскими зданиями во многих местах находят подземные каменные из плиты большие погреба со сводами, сделанные, вероятно, на случай пожаров и неприятельских нашествий для скрывания имущества. По отрываемым мостовым, по большей части деревянным, видно, что древние улицы были тесны, кривы, пересечены многими переулками и неровны. Многих городовых урочищ и улиц названия, упоминаемые в летописях, вышли уже из употребления и из памяти, а потому и обозначить их невозможно. По новому же городовому плану, утвержденному императрицей Екатериной II, даны им названия новые. Но и сей план доныне еще не исполнен. А древнего плана города не дошло до нас, кроме только грубого живописного начертания или вида на иконе, находящейся в Покровской церкви на проломе, написанной не ранее XVI столетия, после Баториевой уже осады. Таковые же, но в гораздо большем размере, начертания Пскова или, лучше сказать, псковских только церквей и монастырей, и окрестностей находятся на иконах во Владычной часовне и на святых вратах Псково-Печерского монастыря. Многократные опустошения Пскова пожарами, из которых больших только, иногда почти весь город истреблявших, замечено в Псковской летописи до 35, и моровыми язвами, с иностранными товарами из Лифляндии и Эстляндии сюда заносившимися, коих также считается до 30, иногда кряду по несколько лет продолжавшихся, вероятно, изменяли часто расположение города. Впрочем, местоположение вообще города сего пленяло и иностранцев. Гейденштейн, описы-

вая Баториеву осаду оного в 1581 году, говорит, что «местоположение его самое приятнейшее по стечению двух рек и по открытым на все стороны полям, на которых видны частые окатистые холмы, опушенные можжевеловыми деревьями, которые по дороге от Воронича до Пскова кажутся как будто нарочно насаженными садами. А по окрестностям города рассеянных было более 40 монастырей каменных, и между ними на крутой горе Снетогорский с высокой башней и стенами, наподобие замка».

Число древних жителей города Пскова нигде в летописях не означается. Но что город сей был многолюден, то можно заключить из некоторых обстоятельств, упоминаемых в истории, а именно: он мог выдерживать сильные осады и выводить в поле достаточные отряды войска. Во время покорения его великим князем Василием Ивановичем в 1510 году в одном Среднем городе насчиталось 1500 дворов. При пожаре 1544 года 700 дворов погорело в одной части Большого города, называемой Полонищем, от Покровской в углу церкви, а с другой стороны – от Воскресенской, простиравшейся только до Великих ворот. Во время морового поветрия 1552 года на одних кладбищах, во Пскове называвшихся буями, погребено мертвых 25 000 человек, не считая при церквах и в других местах. Во время осады Баториевой 1581 года в городе, кроме жителей, помещалось 15 000, а по сказанию иностранных историков – 50 000 войска. Если по счету 1500 дворов, значившихся в 1510 году в Среднем городе, имеющем между Домантовой крепостью и Большим городом квадратного пространства около 97 347 сажен, заключать по той же соразмерности к квадратному пространству внутри всех стен города, составляющему около 400 000 сажен, то во всем городе могло помещаться около 7656 дворов, кроме Завеличья и посадов за стенами. А полагая по среднему числу народонаселения четыре человека мужского пола на каждый двор, число жителей псковских в стенах градских могло простираться более 30 000 мужского и, по крайней мере, столько же женского пола. Но от бывшего в 1592 году мора почти все жители во Пскове вымерли, и столь мало их осталось, что царь велел перевести туда мещан из других городов.

IV. О земском разделении и устроении Псковского княжества

Число древних селений и жителей всей Изборской, после названной Псковской, области также неизвестно, как и земское разделение и распоряжение оных. Уездные города, или пригороды псковские, упоминаются в поздние времена, хотя, вероятно, были они с самого начала расселения кривичей под названием городищ, или сходбенных мест. Летописатель Нестор под годом 947 говорит, что Ольга, супруга великого князя Игоря, будучи уже во вдовстве при малолетстве сына своего Святослава, еще до обращения в христианскую веру, объезжая Новгородскую область, в которую тогда включалась и Изборская, уставила по рекам Мсте и Луге погосты, оброки и дани. Памятником ее тогдашнего путешествия и по Изборской области здесь оставались ее сани, которые во времена Нестора, спустя лет 150, псковичи сохраняли еще у себя в целости. Об учреждении погостов, оброков и даней изборских хотя Нестор и не упоминает, но, может быть, потому, что княгиня сия тогда освободила Отечество свое от двух последних; однако ж, вероятно, не оставила сделать и в нем назначение погостов, столь нужных для земского благоустроенного начальства. По крайней мере, название оных, доныне оставшееся по всей Псковской, как и по Новгородской, губернии доказывает, что и здесь оные были учреждены. В Ольгино время название сие, вероятно, от греков и римлян заимствованное, значило то же, что у них Πάγος и Pagus, то есть замок, или крепость на возвышении, с округой подведомственных волостей, или сел. А в одном месте Псковской летописи (1431 год) округа названа обрубом – либо по окружной огороже, либо по окружному ведомству повинностей, называвшихся порубом. У северных народов такие волостные округи разделялись по рекам для лучшего разграничения и для удобнейшего сообщения (что и Ольга сделала) и назывались губами. От них название «губы» вошло потом и в российские земские разделения северных областей для обозначения округ и продолжалось по Псковской области почти до половины XVIII столетия. Название же погостов по введении христианства осталось только при церквах с кладбищами, к коим в приход приписано было несколько окрестных волостей, сел и деревень. В последовавшие времена губы подчинены были засадам, в коих по несколько бывало губ, а засады разделены по уездам; иногда же уезды, особенно невеликие, разделялись прямо на губы. Так, например, Дубковский уезд состоял только из пяти губ без разделения на засады. Рыбные ловли, или, лучше сказать, рыболовные пристани по озерам и по знатнейшим рекам разделялись на исады, то есть изсады, или высадки, а исады – на четы и четы – на четверти; а две четы числились в одном неводе. Уездные города с крепостями вообще назывались пригородами псковскими. У новгородцев область их вся разделялась на пятины по числу концов Новгорода и пятина каждая – на половины. Но у псковичей не было такого разделения, вероятно, из-за необширности их владений. А уже в XV столетии разделили и они все свои пригороды по пяти концам города Пскова в подведомство, о чем ниже будет сказано. Но в конце XVI столетия упоминается уже разделение Псковской области на две половины[8].

Судя по весьма многим в разных местах всей Псковской области оставшимся древним городищам, окопанным валами и рвами, по большей части на горах, холмах и возвышенных местах, должно заключить, что в первоначальные времена гораздо больше было псковских городов, или по крайней мере крепостей, нежели сколько упоминается оных в летописях. При некоторых из них доныне остались селения, посады и безуездные городки, а иные совершенно пусты, и даже названия их неведомы. Из семи нынешних уездных городов три, а именно:

[8] В архивных делах польских (московский архив Министерства иностранных дел, № 18, л. 135) сказано, что государь царь Федор Иванович после смерти отца своего князю Ивану Петровичу Шуйскому за его службу пожаловал великое жалованье в кормление «Псковом обеими половинами и с пригороды и с тамгой и с кабаки».

Великие Луки, Холм и Порхов, построены новгородцами, а Торопец, вероятно, – еще смоленскими кривичами, ибо близ оного есть городище на реке Торопе, окопанное валом, которое и в Писцовых книгах именовано Кривити. Прочие три, собственно псковских города, остались только Остров, Опочка и Ржев на новом уже месте. Первый из сих по ближайшей смежности с Изборской и Псковской округами, кажется, был древнейшим из пограничных, но и он в Псковской летописи начинает упоминаться только с 1341 года, а Опочка под тем же годом названа только селом, пограничным с Латыгорой, или латышами лифляндскими. С исхода XIV столетия, когда умножились сильные нападения со стороны лифляндцев, эстляндцев и литовских великих князей, утвердивших столицу свою в Полоцке, то псковичи провели целый ряд крепостей и городов своих от всех сих соседей, а именно: со стороны Литвы по реке Великой три крепости – Коложу, бывшую в 10 верстах от Опочки, Велье и Воронеч. Первую из сих литовцы в 1406 году совершенно разорили, и вместо оной псковичи в 1412 году основали другую на той же реке в Опочке, а Велье и Воронеч, разоренные также в 1408 году, возобновили. В 1464 году ближе к литовской границе, за Опочкой, основали они город Красный на реке Сине, а в 1476 году – Вышгород на реке Ладе. С XVI столетия они завоевали уже многие и литовские пограничные местечки и в 1535 году заложили в их границе свою крепость Ивангород, ныне называемую Себеж, на озере Себеже, а неподалеку от оной – бывший старый Ржев, который, однако ж, сперва новгородцы, а потом литовцы у них отняли. Сей последний город в следующем, 1536 году переведен был на другое ближнее же место к границе и построен под именем Заволочье. Со стороны лифляндцев крепостями им служили древний Изборск, перестроенный в 1330 году с каменными стенами, и потом Печоры, огражденные также каменной стеной. С 1520 года на Желатском острове в Чудском озере западная половина острова заселена была псковичами, а восточная – лифляндскими чухнами. Самое озеро Чудское вдоль, по половине, делилось между двумя областями. Со стороны эстляндцев псковичами основана была в 1424 году на восточном берегу озера Чудского крепость Гдов; в 1461 году на том же берегу, еще ближе к Пскову, – другая, названная «На Озолице», а в 1462 году – там же и третья под именем Кобылье, или Кобылинская. В то же время неприязненность новгородцев заставила псковичей от Заволчья к Порхову провести также ряд крепостей и городов, каковы были: Дворец, или Дворца, Врев, Дубков, Выбор, Котельный и Владимирец, которые все построены были в XV столетии. Не все, однако ж, эти города имели приписанные к ним уезды, и в 1468 году насчиталось старых уездных только десять и два городища – Кобылье и Вышгород, которые псковичи разделили на концы города своего, приписав к каждому в подведомство по два, а новые к ним делили по жребию.

V. Об образе правления Псковского княжества

Какое было древнейшее правление изборских кривичей, о том сказано уже выше, а со времени княжеского между ними начальства, от Трувора до Олега, долженствовало быть больше военное и монархическое, основанное на решениях и повелениях князей или их наместников, нежели гражданское, хотя могли еще оставаться в силе и народные «обычаи, законы отцев и предания», по выражению Нестерову. Но когда Олег в 881 году, оставив Новгородское княжество, в коем величалось и Изборское, перенес престол свой в Киев, а с северных своих владений довольствовался только брать ежегодную денежную дань на жалованье варяжским своим войскам, то в Новгородском княжестве, а по нем и в Изборском (после Псковском), опять осталось общенародное правление, продолжавшееся около 600 лет, несмотря на то что в обоих сих княжествах между тем начальствовали и великокняжеские наместники, а иногда свои удельные князья, которых избирать самим право дал великий князь Ярослав Владимирович. Все гражданские дела рассматривались и решались общими народными приговорами на вече, под именем коего разумелись, как и у римлян forum, народное собрание и совещание на открытой площади, на которую созывали народ звоном колокола, именовавшегося посему вечевым. По собрании объявляли им причину созыва и о предложенном деле требовали всеобщего мнения. Здесь народ определял войну и мир, дружественные и торговые договоры с соседями; наряжал посланников и выслушивал их ответы по возвращении; назначал сбор войска, податей и других городовых и земских повинностей; делал приговоры временные и всегдашние; устанавливал законы;

производил суд и расправу по важнейшим общественным доносам и жалобам; избирал своих посадников, тысяцких, воевод и прочих чиновников, и самих князей, а в случае народного неудовольствия на них наказывал отрешением, разграблением домов, побоями, и даже смертью первых и изгнанием последних. В 1458 году псковичи на страх преступникам повесили на площади при вече палицу, коей наказывали и убивали виновных. Никто из чиновников, ни сам князь не могли остановить и отменить приговора вече, ни даже вмешиваться в народные совещания господина Пскова, как говаривали псковичи, по сказанию летописи. Бывали иногда такие же вече и в уездных городах, или пригородах псковских, под влиянием, однако ж, главного – псковского. Но сие могущественное во всем городе и во всей своей области псковское вече при случаях соединения Пскова под одно с Новгородом правление принуждено бывало само принимать повеления от новгородского вече, которое иногда присылало псковичам своих посадников и князей, наряжало своих поверенных для разбора гражданских и пограничных споров и распрей и привлекало к ответам и суду псковичей даже в Новгород. Кроме того, и при сторонних, самими псковичами избранных князьях новгородцы, по старому обыкновению, иногда вмешивались в военные и гражданские дела их.

Но поскольку вечевые собрания и приговоры были временные и по важнейшим только случаям, то для всегдашнего исправления частных общественных должностей вече избирало городовых и областных начальников. Каждый конец города Пскова, как и в Новгороде, имел свое «кончанское» правление из кончанских бояр с конецким старостой так же, как и каждая улица, – своего старосту, или квартального надзирателя. В грамотах, жалованных Псково-Печерскому монастырю, даже и в XVI веке упоминаются еще кончанские, или конецкие, старосты. Первыми во Пскове и во всей области начальниками почитались князья, иногда определяемые от новгородских князей, а иногда – самими псковичами избранные. Их приводили к присяге Пскову и сажали на княжеский престол, по большей части, в Троицком кафедральном соборе, а иногда и на вече. С половины XII столетия, когда многие из областных князей начали титуловаться великими князьями, то сие же титло присвоили себе и псковские, или, по крайней мере, псковичи, – так их величали. Но сии князья, по древнему северных народов закону

или обыкновению, как описывает и Тацит германских, были больше предводителями войск и наблюдателями полицейского порядка, а правительственной и судебной власти ни во Пскове, ни в области сперва не имели. Много уже времени спустя псковичи уступили им право своих наместников с тиунами, или судьями, определять сперва в двух только, потом в семи, а в 1467-м и в прочих своих 12 пригородах, не исключив, однако же, сих пригородов и из своего подведомства и подчинив их концам города по земским делам. До того же времени вече определяло везде своих наместников, управителей и судей. Но князья, присланные во Псков от московских великих князей, начали вмешиваться во все городские суды, дела и доходы, и, конечно, сие-то самое насилие принудило псковичей уступить им упомянутое право, хотя и без того могли они быть довольны по записным, издревле вечевым грамотам, назначенными им в жалованье разными во Пскове и в области землями, оброками и судными пошлинами, для сбора которых и прежде они везде содержали своих приказчиков. Во Пскове были для них на общественном содержании особый двор у площади, где ныне так называемый двор Пушечный, – к стене над рекой Великой – и при нем в углу двора к площади же особая княжья церковь, коей следы и доныне видны. Придворными их чиновниками были так называвшиеся детские, или детески, – из детей лучших граждан, после переименованные дворянами.

После князя второе начальство в гражданстве занимали посадники степенные, так названные, вероятно, потому, что при избрании на вече возводили и сажали их на возвышенное место со степенями, с коего они и суд производили. Сие можно заключить из двух случаев, упоминаемых в Псковской летописи, в коей под годом 1462 сказано, что псковичи, будучи недовольны своим князем Владимиром Андреевичем, на вече «сопхнули его со степени» и выгнали, а под 1510 годом замечено, что присланный во Псков от великого князя Московского дьяк Третьяк Далматов, на вече объявив псковичам указ великокняжеский, сел на степени. Посадники вече избирались иногда по одному, иногда по два вместе на год, на два и более с ежегодным, однако же, утверждением. По отставке всю жизнь назывались они для отличия от прочих граждан старыми посадниками, а иногда и опять избираемы были в степенные. Старых преимущественно назначали в посольства, в начальство над отрядами войск и в другие временные общественные должности. Дети их считались выше бояр. Степенные посадники в небытность князя исправляли и всю княжескую должность, предводительствовали войском на войне, а дома наблюдали за городовой стражей и благочинием общественным. При князьях же они были только гражданскими начальниками и посредниками, так сказать, между ними и народом. Князья без их согласия ничего в общественных порядках переменять и над ними самими власти никакой иметь не могли. Но при сем замечательно, что с 1132 года до начала XIV столетия ни в Новгородской, ни в Псковской летописях не упоминается ни о посадниках, ни о тысяцких псковских, а предводители войск в походах просто назывались только воеводами и боярами. Из чего можно заключить, что либо новгородцы, большей частью в промежутке сем властвовавшие над Псковом, либо само псковское вече и князья псковские не хотели избирать сих чиновников. Но с XIV века они уже часто и почти сряду упоминаются, может быть, и потому, что с сего только века начинается подробная Псковская летопись, а прежние происшествия сокращенно в нее заимствованы только из Нестеровой и Новгородской.

Совет посадников составляли бояре и житые, или по псковскому выговору называвшиеся «житейские», – люди, разделявшиеся по концам города. В число первых вступали богатые и знатнейшие люди, а особенно владельцы пахотных крестьян, или, по крайней мере, земель, ими обрабатываемых. Ибо до XVII века в Псковском княжестве, как и нигде в России, личных крестьян не было, кроме пленных и кабальных по контракту холопов. Но в чин бояр не сами вступали, а по выбору народному. Под именем житейских людей разумелись также зажиточные или богатые люди либо старожилы псковские, из коих производили и в бояре. Пока были бояре в советниках, назывались также степенными, а по смене – «старыми». Из них выбирались на случай войны воеводы и посланники к соседям, а чаще в посольствах они составляли свиту

посадников. Все части, или концы, города с управлявшими в них старостами и все наместники, управители, сотские и тиуны, или судьи, в пригородах и волостях сперва были также в ведении степенных посадников и бояр. Для рассылки от вече и чиновников был особый чин приставов, называвшихся подвойскими. На вече при посадниках упоминаются еще особые судьи и дьяки, или письмоводители, а в походах, разъездах и посольствах дружину, или свиту, их составляли дети посадничьи и боярские, под именем коих разумелись все чиновники под их особенным начальством и около их особы служившие.

По степенном посаднике главный чиновник военный назывался тысяцким, потому что войска тогда разделялись на тысячи. Его также избирали на вече на время и всегда только одного, а по отставке или отслужении во всю жизнь для отличия от прочих граждан именовался он «старым тысяцким». Под его начальством состояли избранные из всех концов воеводы, дружина из лучших граждан и дети боярские, сотские и прочие. По некоторым грамотам видно, что у тысяцкого были особый свой суд и судьи, вероятно, по военным делам и преступлениям. В Псковской летописи однажды только упоминается чин тысяцкого, а почти всегда и при князьях, и без князей ходили на войну вождями сами посадники степенные и старые, и часто упоминается вместе по несколько их в одном походе, может быть, для разных отрядов.

Был еще во Пскове при вече чин ларника, коего должность состояла в хранении ларя, или ковчега, со всеми древними псковскими грамотами и вечевыми записями и приговорами. Они имели какую-то силу в народе. Ибо под годом 1485 в Псковской летописи сказано, что «игумен Евфимий, иже прежде был ларником в Пскове, в той власти много зла народу учини и убеже и пострижеся». У новгородцев были еще некоторые другие чины, о коих Псковская летопись не упоминает во Пскове.

Вместо жалованья все вышеупомянутые чиновники имели особо отведенные им общественные земли, пожни и рыбные ловли, в грамотах отличаемые названием: посадничьи, наместничьи, боярские, тиунские, дьячьи, старостинские; даже и подъячим давали поместья в оклад, а за отличные услуги жалованы были и в род такие же угодья; а иным отдавались оные из оброков. Царь Федор Иванович пожаловал князя Ивана Петровича Шуйского всеми дворовыми псковскими доходами в обеих половинах с пригородами, с тамгой[9] и с кабаками, а доходов сих с вышей и сох было 18 000 рублей, да торговых, судных, пашенных и банных 12 000 рублей[10].

Кроме начальствующих и чиновников, народ весь во Пскове и в области его, как и в Новгородской, разделялся на четыре статьи: первая называлась гости, или купцы, которые разделялись на сотни и имели по рядам своих старост и сотских. Гостями преимущественно назывались приезжие или ездившие за границу купцы; вторая статья – люди, или людины, просто так именовавшиеся, и разумелись свободные мещане и посадские; они могли происходить и в чиновники; третья – земледельцы, иначе в Псковской летописи называемые земцы, обрабатывавшие поля по волостям и деревням; четвертая – смерди общественные и частные, состоявшие из самых низких рабочих и кабальных холопов[11]. Первые две статьи народа были свободные, ничем лично не обязанные; третья с обрабатывания земли давала пятую долю, или пятину, произведенного помещикам, и потому слово «пятина» доныне сохранилось во всех псковских оброчных платежах; а последняя обязана была записью для Пскова, князя и бояр производить всякие работы и платить ежегодную им дань. Что касается всеобщих государственных повинностей, то в случае нужды никто из оных исключаем не был – или добровольной складкой, или

[9] То есть с таможенным сбором. *(Ред.)*

[10] См.: *Н. М. Карамзин.* История государства Российского. Т. X. С. 243 и прим. 148.

[11] В Новгороде был еще разряд огнищан, не упоминаемый во Пскове. Некоторые наши писатели почитают их заодно с первостатейными гражданами. Но огнищем и ныне по Вологодской, Архангелогородской и Вятской губерниям называется лес, выжженный для посева хлеба или льна, и земледельцы, таким легким образом засевающие и не имеющие постоянной пашни, прозываются *огнищанами,* а во Пскове, по скудности земли, не могло быть таких пахарей.

налогом по расчислению. С XVI столетия на земледельцев и волостян возложено много и особых еще повинностей работами, как то: содержать и кормить государственных коней, косить на них сено, содержать ямские подводы, обустраивать наместничьи, волостные и ямские дворы, снабжать их дровами, и, сверх того, подвержены были они вообще и градским, и волостным раскладкам, а заезжавшие к ним все начальники и посыльные получали себе особые от них корм и посыльные пошлины. Но пошлин купеческих с капитала, привоза и отвоза товаров не было до покорения Пскова.

Правление по уездам имело также своих окружных начальников под зависимостью от псковского вече и от псковских посадников. По знатнейшим пригородам, каковы были Изборск, Остров, Опочка и Гдов, в летописях упоминаются иногда и свои местные посадники, а в других – наместники, в крепостях – воеводы, в засадах – сотские и головы; в губах – губные старосты, а в волостях – волостели, старосты, приказчики и сельские тиуны, а судебные места назывались земскими избами. В древнейшие времена и по уездам, как на псковском вече, народ в сходках и съездках своих имел полную власть осуждать даже на смертную казнь. А с XV столетия право сие ограничено не только в уездах, но и в самом Пскове. Народ хотя мог назначать и требовать злодеям смерти, но должен был ожидать разрешения от псковского вече, и само вече, наконец, обязано было требовать на смертный приговор согласия от великокняжеских во Пскове наместников. В 1477 году, когда опочане без позволения псковского начальства убили одного коневого вора, то псковичи оштрафовали их 100 рублями, а в 1485 году, когда сами они в бунте казнили нескольких своих граждан, то вытерпели гнев великого князя.

VI. Об уставах, законах, обыкновениях и нравах псковских

По чину ларника, бывшего при вече, видно, что псковичи свято сохраняли у себя собрание своих уставов, грамот и приговоров. Но из них почти ничего до нас не дошло, кроме упоминания в летописях, и, вероятно, все они забраны московскими великими князьями при совершенном покорении Пскова. Самым первым уложением для гражданских судов могла служить им сперва «Русская правда», новгородцам данная от великого князя Ярослава Владимировича в 1016 году, и его же уставные грамоты, а по церковным судам в летописях упоминаются за основание греческий «Номоканон», или «Кормчая книга», и грамоты константинопольских патриархов, всероссийских митрополитов и новгородских архиереев. Из первого некоторые статьи находятся в летописях и разных сборниках, а из последних помещены и между правилами Стоглавого собора, бывшего в Москве в 1551 году. В одной синодальной летописи под № 348 историограф Н. М. Карамзин нашел общую для псковского духовенства и гражданства уставную грамоту или, может быть, только отрывок, либо прибавление к пространнейшей грамоте о судах. Сия грамота, вероятно, написана еще до подчинения Пскова московским великим князьям, ибо в ней не упоминается ни о них, ни о наместниках их, а только о князе, посаднике и судьях. В сем найденном отрывке узаконено: 1) духовных людей ни князю, ни посаднику, ни судьям не судить, а судить владычну наместнику; а в суде мирянина с духовным судить общим судом; 2) когда кто присвоит какую скотину и назовет ее доморощенной, то произвести о сем следствие; 3) кто перед начальником ударит на суде своего истца, тот должен заплатить ему рубль, а князю пошлину; 4) за барана заплатить хозяину шесть денег, за овцу – десять денег, а судье – пошлины три деньги; за гуся и гусыню – хозяину две деньги, а судье – три; за утку и селезня, за курицу и петуха – две деньги и прочее; 5) кто в пьянстве чем поменяется или что купит и, проспавшись, раскается, то разменяться; 6) княжьим людям не держать корчмы ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец[12], ни бочкой меду не продавать; 7) кто доказывает кого в зажигательстве, то дозволяется отдать на вольную присягу; 8) кто у кого бороду вырвет и свидетелем не доказан, такому целовать крест и биться на поединке; а если свидетель докажет, то взыскать за бороду и бой два рубля, а свидетелю быть одному; 9) купивши корову, телят не требовать, а больную назад возвратить; 10) женщине с женщиной в тяжбе биться на поединке самой, а за себя бойца не нанимать ни которой; 11) кто искать будет за бой с пяти или десяти человек, или сколько ни будет, то взыскивать как за один бой один рубль и пошлину одну князю[13]. В сей грамоте заметно уже отступление от Ярославовой «Русской правды» в числе пеней, а закон о поединке женщин нигде не бывалый. Но великий князь Московский Василий Иванович после покорения Пскова в 1510 году дал псковичам свою уставную грамоту, которая также не дошла до нас.

0 псковских старинных обыкновениях и нравах, наравне с законами и уставами у каждого народа соблюдаемыми, мало известий оставили нам летописатели, потому что сии предметы в их время всем известны были и не требовали описаний. Гораздо более могли о сем писать иностранцы, бывавшие проездом или жившие во Пскове.

Но из них не позднее XV столетия имеем мы описателей, и то кратких. Недавно сделалось известным несколько подробнейшее сказание о псковичах одного немца, Самуила Кихеля, в путешественных его записках с 1585 по 1589 год, напечатанных в немецком периодическом издании под названием «Архив для географии, истории и науки государственной и военной» в 1820 году в 86 номере[14]. Он говорит, что псковичи в рассуждении приезжих иностранцев

[12] Корец – ковш. *(Ред.)*

[13] Подлинная сия грамота напечатана в Истории государства Российского Н. М. Карамзина. Том V. Прим. 404.

[14] Arehiv fur Geographie, Historie Staats und Kriegskunst.

имели строгую осторожность, расспрашивали их о причине приезда и к одним только торговым из них людям больше имели доверенности, а опасались наипаче приезжавших из любопытства и шпионов. В город ни немцев, ни других народов они не впускали даже и тогда, когда принимали от них складные грузы и товары, и все переговоры с ними производили на мосту – с Завеличья, в город ведущего, против немецкого двора, и там только позволяли им прогуливаться. Если же кто из них хотел ехать в Москву, то пропускали и через город, но с ведома и дозволения наместника великокняжеского. Город Псков, – описывает Кихель, – первый по Москве величиной и даже более укреплен, нежели Москва, а Новгород тогда был уже в разорении. «Градские здания, кроме городовых каменных стен и церквей, – говорит он, – все деревянные, покрытые тесом, не исключая и дворов боярских, богатейших граждан и даже дворца великого князя. Ибо-де они думают, что каменные дома для жития нездоровы, а от сего при пожарных случаях нет там никакого спасения. Для погребения мертвых находятся за городом кладбища, и беднейших кладут в общую большую яму, выкопанную на четверть часа езды от города, под кровлей, и по наполнении, засыпав оную, выкапывают возле новую. При церквах же и в церквах погребают только богатых за вклады. В обращении они угрюмы и грубы; ни перед кем не снимают шапок; одежду носят опрятную, из хорошего сукна, покроем длинную, наподобие армянской, и между мужчинами и женщинами с малой разницей; обувь у мужчин и женщин подбивается железом. Женщины, когда выходят на улицу, то лицо закрывают, и одни только глаза их видны, а те считаются бесстыдными, кои сего не соблюдают. В самих домах своих женский пол имеет отдельное от мужчин жилище. Все вообще трудолюбивы, довольствуются малым, едят и пьют просто, без приправ; яблок и груш у них нет, но зато всякая зелень и овощи, а особенно много огурцов, коих за столом они могут съесть от 6 до 8; пьют много вина, и без оного лучший пир ничего не значит. Но также переносят алчбу и жажду более, нежели какой другой народ может. Против неприятелей мужественны, но сопротивляются более в городах и крепостях, нежели в чистом поле, и потому, хотя польский король Стефан шестьюдесятью тысячами войска осаждал их город, но безуспешно. Товары, ими отпускаемые за границу, суть рухлядные меха куниц, соболей, рысей, лисиц и волков, также кожи воловьи, бараньи, лосьи, лен, пенька, сало, а к ним остзейцы привозят сукна, шелковые материи и всякие мелочные изделия. Торг, прежде производившийся через Нарву, в сие время обратился через Псков». Таковыми были по Кихелеву описанию псковичи в XVI столетии. Надлежит еще к сему примолвить, что барон С. Герберштейн, бывший во Пскове лет за 70 до Кихеля, заметил уже в псковичах отличие от предков их. Вместо учтивых и вежливых нравов у псковичей, говорит он, после уничтожения их свободы и поселения в их городе московских переведенцев ввелись у них и развращенные московские обычаи. Ибо-де прежде в договорах своих псковичи бывали так искренни, чистосердечны и просты, что не употребляли на обман покупщика никакого многословия и одним словом сказывали правду. Однако ж не во всем еще последуют москвичам, и, например, волосы носят не по русскому обычаю, а по-польски, разделенные на две стороны. Твердость их в обдуманных намерениях известна была наипаче лифляндским соседям, всегдашним их неприятелям. Лифляндский магистр Шпангейм, в 1417 году ведший с ними договоры о мирном постановлении, уведомлял тогда прусского великого магистра, что сей народ как скоро что задумает, то его совратить от сего никак не возможно, и за то называл их «странными» и «упрямыми».

VII. О гербе и печатях псковских

Город Псков издревле имел гербом своим на общественных печатях и монетах бегущего в чистом поле зверя барса; неизвестно, по множеству ли здесь бывших зверей сего рода или для знаменования воинственного народного духа, или по преданию от общих предков их, кривичей. Ибо в «Собрании государственных грамот и договоров», изданном иждивением канцлера графа Н. П. Румянцева, тот же герб виден и на новгородских, и на смоленских древних печатях. На псковском при грамотах до XVIII столетия около барса по краям в окружности двух линий изображалась надпись: «Печать господарства Псковского», а с XVIII столетия по учреждении во Пскове провинции – «Печать государства Псковского»[15]. В Новгороде каждый конец города имел свою особенную печать[16]. Может статься, то же было и во Пскове, но до нас не дошли сии печати, а из дошедших все были величиной в грошевик и вытискивались только на черном воске. В архиве Псковского губернского правления отыскалось несколько и новейших разных таковых печатей с псковским гербом и с различными надписями, а именно: 1) серебряная с окружной надписью: «Печать Псковской провинции подушного сбора»; 2) медная с окружной надписью: «Печать П. П. полку полкового штабного двора»; 3) медная малая с окружной же надписью: «Губернского города Пскова»; 4) стеклянная с изображением в середине двуглавого орла, около коего между двумя линиями надпись: «П. Дворцовых Псковских». В первых трех из сих печатей над бегущим барсом изображена императорская корона, из-под нее из облака – простертая на барса рука. Еще там же нашлась и одна губная печать без герба с одной только строчной надписью: «Псковской губы Пахомовской». Все сии печати ныне сохраняются в ризнице Псковского кафедрального собора. Древнее изображение бегущего барса с прибавлением над ним из облака руки осталось и доныне в псковском гербе на голубом поле.

При сем достойно особенного замечания, что в Московском государственном архиве иностранных дел есть еще две круглые серебряные печати вислые – с ушками для цепочек или шнуров; обе разного чекана, но одинакового клейма, величиной в полтинник. Изображение на них выпуклостью представляет бегущего в чистом поле барса, а по краям между двух круговых линий надпись: «Печать господарства Псковского»; другая сторона гладкая, и у одной печати довольно истертая, вероятно от долговременного ношения. Гравированный отпечаток обеих их можно видеть в предисловии второй части «Собрания государственных грамот и договоров», изданного канцлером графом Н. П. Румянцевым. О сих вислых печатях псковских ничего в летописях не упоминается. Но у Нестора в договоре Игоря с греками 945 года упомянуто, что русские, приезжавшие в Константинополь, «ношаху послы печати золотые, а гости серебряные». Владимир Великий в 1006 году дал таковые печати и болгарским купцам. А Татищев замечает, что тысяцкие носили на шее гривну на цепочке. Может быть, не меньше имели права носить то же отличие и посадники. Посему, если принять и сии печати за гривны, отличительные для чиновников, или просто за печати гостей, то вероятно, что с 1510 года по уничтожении великим князем Василием Ивановичем во Пскове посадников и прочих гражданских чинов сняты с них и сии печати и отосланы в Москву[17]. Новгородские посадники и тысяцкие имели еще и свои собственные печати с именами и без имен для прикладывания к грамотам[18]. Может быть, то же было и у псковских, но оные до нас не дошли.

---

[15] Из оставшихся государственных печатей и грамот великого князя Ивана Васильевича и сына его Василия видно, что они титуловались только великими князьями новгородскими и псковскими, и прочими, а царь Иоанн Васильевич сперва господарем, а потом государем Псковским. Но псковичи в своих печатях до времен Петра I все еще удерживали титло «господарства Псковского».

[16] См. «Историю российской иерархии» А. Орнатского. Т. II. С. 391.

[17] Оттиски сих печатей на сургуче есть в ризнице Псковского кафедрального собора.

[18] См. вышеупомянутое «Собрание государственных грамот и договоров». Т. I. С. 11 и 17.

VIII. О воинской силе псковской

Всеобщими промыслами псковичей были два: война и торговля. Первой стяжали они землю для поселения своего, а второй – продовольствие и богатство. Но по самому положению своей области они долженствовали быть народом больше военным, нежели торговым. С самого пришествия своего в сей край надлежало им бороться с дикими лифляндскими и эстляндскими чудями; с середины XII столетия – еще с литовцами, приблизившимися к их пределам и с XIII столетия основавшими уже столицу свою в Полоцке. В начале XIII столетия подселились к ним от устья Двины немецкие рыцари, а в Эстляндии – датчане; с XIV столетия сделались им неприязненными и братья их новгородцы, а с XVI века – и шведы, занявшие Эстляндию. Псковская летопись преисполнена известий о взаимных с соседями сими войнах, и редкий год проходил без нападений на псковичей с какой-нибудь стороны, а иногда и в одном году терпели они по несколько нашествий и опустошений. Но достойно замечания, что, хотя лифляндские и литовские летописи хвалятся неоднократным завоеванием Пскова, однако ж летопись Псковская с самого основания города сего признает одно только – в 1240 году взятие оного лифляндцами, и то изменой и предательством от своих же. Самую сильную осаду в 1581 году от польского короля Стефана Батория, продолжавшуюся неотступно более шести месяцев, а другую – в 1615 году от шведского короля Густава Адольфа в продолжение двух с половиной месяцев псковичи без всякой сторонней помощи выдержали мужественно и не уступили города своего, тогда как вся почти область их и многие новгородские города были уже завоеваны. Такое усилие против врагов, конечно, было для них трудно. Войска их в древние времена состояли из поголовного почти вооружения всех, способных носить оружие. Само вооружение и пропитание в походах у каждого было свое собственное, а не общественное. Надлежало иногда в одно время защищаться на разных пределах области, по суше и воде гнаться за неприятелем до его собственных владений, оставлять какой-нибудь запас охранного войска и дома, не упускать обрабатывания полей и других хозяйственных промыслов; и за всем сим псковичи часто успевали собирать достаточное число военных людей для отдаленных, даже в неприятельские земли походов, и для вспомоществования своим союзникам. С половины XV века войска их уже были не поголовные, но, как видно из Псковской летописи, разделялись на «охочих» и «рубленых»[19], или выборных людей. Под годом 1496 упоминается, что по требованию великого князя Московского для похода на шведов и лифляндцев псковичи поставили с десяти сох по одному вооруженному всаднику, а в 1500 году для войны против литовского великого князя Александра они «порубились» с десяти сох дать одного коня на общее с новгородцами и великолучанами пешее войско, а с 40 рублей, или нарубок, – коня и своего человека в доспехах, то есть с полным военным вооружением. Из сего распоряжения можно заключить, что тогда доставало уже и сего способа набора ратников для составления войска, а таковые наборы у них продолжались до XVIII века или до первой подушной переписи. А выборное таким образом войско называлось «посохой», разделялось на сотни под начальством сотенных голов и на полки под руководством воевод. Татищев говорит, что в конце XVII столетия Псков, сверх двух стрелецких полков, у себя содержал еще для гарнизона городовой крепости два своих собственных полка и сам определял в оные полковников и прочих чиновников.

[19] Раздел земских повинностей по дворам, или сошным, работникам при общественных сходках обыкновенно назначался в волостях на колодах нарубками счета повинностей. От сего-то и назывался раздел сей «рубленым». Сей обычай нарубок доныне еще сохраняется в сибирских и некоторых украинских волостях и селах, и разрубить повинности или платеж значит у них разделить на участки. В Псковской летописи встречаются еще слова «поруб» и «порубленые люди» совсем в другом значении. Первое значит погреб, служивший темницей для заключенных, а последнее – людей заключенных.

Iх. о торговле псковской

После военного промысла у псковичей вторым была торговля. Правда, торги произведениями их собственной области, судя по ее необширности, не могли быть велики. Но пока в ней находилось много лесов, то звериный промысел доставлял им пушные товары, дорого ценившиеся по всей Европе, а лесное пчеловодство по бортям – мед и воск, особенно последний, в великом количестве выходивший за границы. Ибо мед, гораздо лучший, привозили в Россию иностранцы. Долго и даже до XVIII столетия отпускали они по реке Нарве и корабельные леса, с коих одной пошлины в последние времена собиралось до 15 000 рублей. По очистке лесов земледелие и скотоводство усилены. Лен их и доныне почитается наилучшим из российского. Земля, по большей части иловатая и иловато-песчаная, удобренная известковым повсюду камнем, всегда производила хлеб за своим продовольствием с излишком для отпуска в Лифляндию и Эстляндию. На реке Рухе заведены были в 1364 году соляные варницы, но по невыгодности оставлены, и солью Псков довольствовался от ганзейских купцов, а частью – от новгородцев. По разным местам Псковской области видна железная руда, но нет следов железных заводов. Предание утверждает, будто бы древние псковичи добывали свое железо из железистого песка, находящегося на так называемой Железной горке, в двух верстах от Пскова. Но он не стоит обрабатывания. На реке Серебрянке много блестящего колчедана, по которому и река получила свое название. В конце прошлого столетия открыт еще около Изборска очень хороший алебастровый камень. Но если когда-нибудь богатело псковское купечество, то больше от переводных через свои руки товаров из чужих областей. Для новгородцев и лифляндцев псковичи были почти маклерами. Первые из обширных своих владений привозили к ним все в поволжских, северодвинских, печорских и азиатских странах добываемое; последние доставляли им металлы, серу, соль и многие ремесленные изделия европейские. Тем не менее торговля их всегда была в зависимости как от одних, так и от других. Новгородцы не уступали псковичам даже гораздо ближайших к ним, нежели к Новгороду, областей и городов, каковы были, например, Порхов, Холм и Великие Луки, потому что пролегающие по сим областям реки Ловать и Шелонь текут в Ильмень-озеро и способны к сплавливанию туда окрестных произведений. Село Дубровна со стороны Порхова было границей между Псковской и Новгородской областями, а к северу всю полосу от рек Шелони и Плюсы до моря новгородцы включали в вотскую свою пятину. В последовавшие же времена они завладели и Гдовом, построенным псковичами. А со стороны Холма они владели по Пусторжеву и, наконец, самой Пусторжевой, за которой в Опочке уже была псковская граница. Правда, по рекам Плюсе и Нарве могли и псковичи сплавлять свои произведения, но только до Нарвы, а в Нарве были преимущественно склады новгородских товаров, подвозимых судами по реке Луге, на которой построили новгородцы для перепутья свои города Лугу и Ямбург, а еще ближе к морю – третий город, Копорье. В восточно-северной же торговле новгородской по Финскому заливу псковичи почти совсем не имели участия и довозили свои товары только до Новгорода, где имели свой складочный двор на торговой стороне города. Одни новгородцы отпускали свои суда к финляндским пристаням, куда приплывали к ним готландские и любекские купцы, доходившие иногда до Ладоги и до самого Новгорода, а с половины XII столетия имевшие уже и свой гостиный двор с церковью в Новгороде. С первых лет того же столетия сами новгородцы начали корабли свои отправлять прямо на остров Готланд, в славный торговый город Висби, где взаимно занимали они целую улицу, имели гостиный двор, магазины, маклеров и церковь своего исповедания. Из Новгородской летописи видно, что они тогда же плавали и до Дании. Посему псковичам оставалось участие в их торговле только с одними почти эстляндцами и лифляндцами через Чудское озеро в Дерпте, оттуда – в Пернове и Ревеле, и через печорскую границу и Себеж – с литовцами. Но и эту промышленность трудно было защищать от притеснений литовских, от частых набегов

эстляндских и финляндских чудей и от неверности их в договорах. В этом случае новгородцы могли тотчас отвращать свой выпуск в другую сторону, а псковичи оставались в бездействии. С начала XIII века появившиеся на устье Западной Двины немецкие рыцари, вскоре покорившие всю Лифляндию и Эстляндию, выгнавшие оттуда всех россиян, с 1222 года запретившие лифляндцам платить Новгороду и Пскову дани, с 1223 года занявшие там торговый русский город Юрьев и населившие оный своими единоземцами с переименованием его Дерптом, положили первое затруднение псковской торговле в Лифляндии; а в 1228 году уступивши датскому королю Вольдемару II Ревельский, Везенбергский и Нарвский уезды, тем самым допустили и другую, не менее затруднительную преграду псковским купцам к морю. Тщетно псковичи совокупно с новгородцами старались от рыцарей возвратить Юрьев, а из Эстляндии выгнать датские войска. Новгородцам меньше было в том нужды, нежели псковичам, а потому и содействие первых было слабо. В этой крайности последние разорвали наконец с ними свой союз и искали его уже с рыцарями, с которыми в 1228 году заключили даже против новгородцев и литовцев оборонительный взаимный договор, давши с обеих сторон по восьми мужей в залог. Но этот военный договор не послужил оживлению псковской торговли. Рыцари уже не уважали ее в отдалении от новгородской, и хотя в Дерпте за рекой предоставили псковским купцам для поселения место, называвшееся с тех пор «русской слободой» и «русским концом», но в следующем же, 1229 году заключили особый торговый договор со смоленскими, полоцкими и витебскими князьями по Двине и тем самым отвлекли почти весь подвоз южных произведений ко Пскову. Таким образом, псковичи, обманувшись в своей надежде, примирились опять с Новгородом, но с тем вместе рушился их военный союз с лифляндцами, о чем ниже сказано будет подробнее.

При всех сих обстоятельствах торговля псковская постепенно упадала, и уже в конце XIII столетия оживилась несколько – со времени принятия Новгорода и Пскова в союз северных ганзейских торговых городов, из коих данцигские и любекские купцы основали купеческую свою контору и во Пскове, завели маклеров и построили большой складочный двор на Завеличье – на левом берегу реки, повыше Иоанно-Предтеченского монастыря. Но завидовавшие этому лифляндцы тем более умножили свои нападения на Псков и его область. А в конце XV столетия после порабощения Новгорода, когда капиталы новгородцев начали оскудевать, то псковичи уже преимуществовали перед ними торговлей, а особливо когда великий князь Иван Васильевич за некоторые обидные слова, о нем выговоренные начальствующими в Ревеле, потребовав выдачи ему виновных и получив отказ, в 1495 году велел в Новгороде схватить всех немецких купцов и товары их отобрать в казну, то все ганзейские купцы, прекративши свою торговлю с Новгородом, действовали только через псковскую свою контору из Риги, Ревеля, Дерпта и, наконец, из Нарвы, а в Новгороде гостиный двор их с тех пор надолго запустел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.